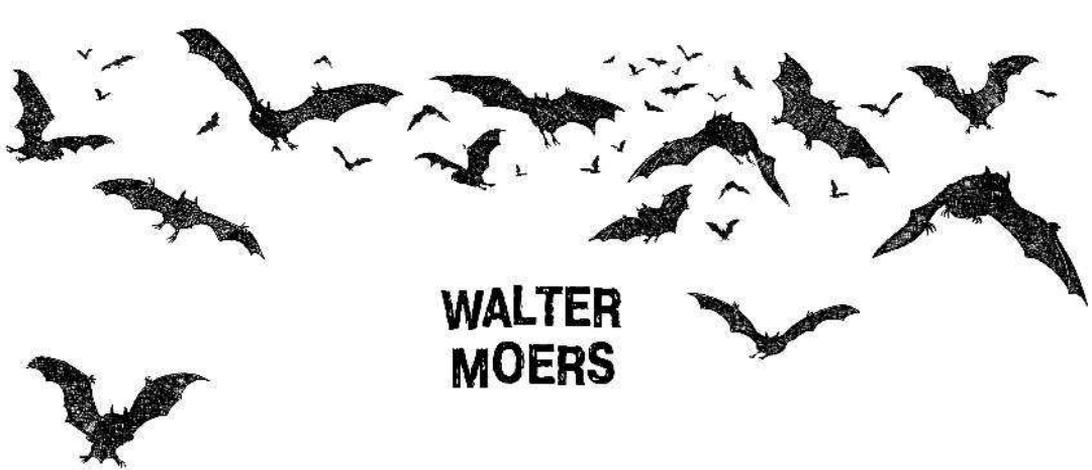

ЦАМОНИЯ:
Румо, или ЧУДЕСА В ТЕМНОТЕ
ГОРОД МЕЧТАЮЩИХ КНИГ
ЛАБИРИНТ МЕЧТАЮЩИХ КНИГ
МАСТЕР УЖАСОК

**WALTER
MOERS**

**Der
Schreckenmeister**

**ВАЛЬТЕР
МОЭРС**

МАСТЕР УЖАСОК

ЦАМОНИЙСКАЯ КУЛИНАРНАЯ СКАЗКА
ГОФИДА ЛЕТТЕРКЕРЛЯ, ПЕРЕСКАЗАННАЯ
ХИЛЬДЕГУНСТОМ МИФОРЕЗОМ

ПЕРЕВОД С ЦАМОНИЙСКОГО ЯЗЫКА
И ИЛЛЮСТРАЦИИ ВАЛЬТЕРА МОЭРСА

Москва
2019

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44
М87

Walter Moers

DER SCHRECKSENMEISTER

Copyright © 2007 Piper Verlag GmbH, München

Дизайн серии *Андрея Саукова*

Внутренние иллюстрации и иллюстрация на переплете
Вальтера Моэrsa

Перевод с немецкого *Татьяны Садовниковой*

Моэрс, Вальтер.

М87 Мастер ужасок / Вальтер Моэрс ; [пер. с нем. Т. Садовниковой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 496 с. : ил.

ISBN 978-5-04-099344-4

В Следвайе, самом нездоровом городе Цамонии, высокоодаренный царпка (очень умный говорящий цамонийский кот) по имени Эхо после смерти своей хозяйки попадает в невероятно затруднительные ситуации. Он вынужден заключить роковой контракт с мастером ужасок и темным магом Суккубиусом Айспином. Контракт дает Айспину право в ближайшее полнолуние убить царпку и использовать его жир для алхимических экспериментов. В качестве вознаграждения Айспин в течение этого времени должен кормить Эхо на самом высоком уровне кулинарного искусства. Но мастер ужасок не рассчитывал на волю к жизни и изобретательность царпки, а прежде всего — на его новых друзей — Думающие яйца, Золотую белку и одноглазого филина, сваренное привидение и Ицануэллу — последнюю ужаску Следвайи.

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

© Садовникова Т., перевод на русский язык, 2019

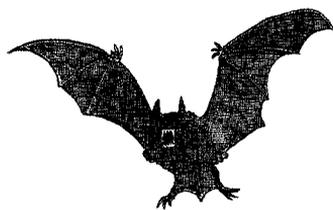
© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099344-4

«Верх – это низ, а безобразное – прекрасно»
Девиз ножельшей

То, что было и ушло,
Должно начаться вновь.
То, что ушло и было,
Возродится в чудесном зелье,
Вернется в котел
Во славу алхимии.

Эхо

Представьте себе место, в котором, как нигде в целой Цамонии, сосредоточились все возможные болезни! Маленький город с кривыми улицами и покосившимися домами, над которым на темной скале возвышается жуткий черный замок. Город, в котором встречаются самые редкие бактерии и самые курьезные болезни: мозговой кашель и печеночная мигрень, желудочная свинка и кишечный насморк, ушное шипение и почечное уныние. Карликовый грипп, который поражает только тех, чей рост не превышает одного метра. Полуночная головная боль, которая случается только в первый четверг каждого месяца и, начинаясь в полночь, прекращается ровно в час. Фантомные зубные боли, возникающие исключительно у людей, имеющих вставные челюсти.

Представьте себе город, в котором аптек и магазинов с лечебными травами, знахарей и стоматологов, изготовителей костылей и перевязочных средств больше, чем где бы то ни было на континенте! Город, в котором друг друга приветствуют причитанием «Ах-ах-ах!» и прощаются призывом «Выздоровливайте!». Город, в котором пахнет эфиром и гноем, рыбьим жиром и рвотным средством, йодом и смертью.

Город, в котором не живут, а прозябают. Где не дышат, а хрипят. Здесь не смеются, а лишь сокрушаются.

Представьте себе место, где дома имеют столь же болезненный вид, что и их обитатели! Здания с горбатыми крышами и бугристыми фасадами, с которых сыплется мох и отваливается штукатурка. Дома, как чахоточные больные, опирающиеся друг на друга, чтобы окончательно не рухнуть. Дома, с трудом удерживаемые в вертикальном положении каркасом, как костылями.

Можете себе это представить? Хорошо. Тогда вы в Следвае.

В то время в этом городе жила одна пожилая женщина, у которой был царпка* по кличке Эхо. Она назвала его так, потому что в отличие от всех обычных кошек, которые у нее были раньше, эта могла говорить человеческим голосом.

Когда пожилая женщина умерла от старческой немощи — впрочем, довольно мирно, во сне, — это стало первым настоящим несчастьем, которое пришлось испытать Эхо в его жизни. До сих пор у него была уютная жизнь домашней кошки с регулярным питанием, изобилием свежего молока, крышей над головой и комфортабельным кошачьим туалетом, который чистился дважды в день.

Эхо вновь оказался на улице, выгнанный из дома новыми хозяевами, которые терпеть не могли кошек. Прошло совсем немного времени, и царпка, в котором не было ни малейшей криминальной жилки, чтобы бороться за место в беспощадной уличной среде, опустил и истощал. Его отовсюду гнали, его кусали и трепали бродячие собаки, пропали его жизнерадостность, его здоровые инстинкты, и даже изменилась его блестящая шерсть. Теперь он казался всего лишь призраком царпки. И, сидя с жалким видом на тротуаре, с грязной, вылезшей клочьями шерстью, выпрашивая у прохожих что-нибудь поесть, он понимал, что дошел до самой крайней точки своего существования.

Но жители Следвайи, будь то люди, полугномы или рубенцелеры, не испытывая сострадания, машинально, как лунатики, проходили мимо, что всегда было им свойственно. Они выглядели бледными и анемичными, под их глазами лежали темные круги, а взгляды были

* Царпка — разновидность цамонийской домашней кошки, от которой она внешне и по своим качествам отличается только тем, что может говорить и имеет две печени (*прим. переводчика*).

стеклянными и печальными. Они шли с поникшими головами и опущенными плечами, а некоторые, казалось, вот-вот прямо на ходу простятся с жизнью. Многие ужасно кашляли, хрипели или чихали, сморкались в большие, зачастую окровавленные носовые платки. У многих шеи были обмотаны теплыми шарфами. Но это была привычная картина. В Следвае жители выглядели так всегда, и тот, кто являлся причиной этого, как раз появился из-за угла.

Айспин, очень страшный

И, будто завершая это безотрадное зрелище, по дороге шествовал мастер ужасок Айспин. Если бы кошмарный сон мог принять чей-то облик и оказаться в реальном мире, то он непременно выбрал бы Айспина. Старик походил на ходячее чучело, фигуру, сбежавшую из «пещеры кошмаров», при виде которой разбегаются все живые существа — от крошечного жука до могучего воина. Казалось, будто он гордо шагает под какой-то необычайный марш, который слышал только он сам, и каждый пытался уклониться от его уничтожающего взгляда, чтобы не ослепнуть, не быть проклятым или не подвергнуться гипнозу. Айспин шествовал по улицам, прекрасно понимая, что все его ненавидят и боятся. Это приводило его в упоение, и он не упускал малейшей возможности, чтобы посеять страх и ужас на улицах Следвайи.

Он прибил себе на подошвы железные пластины, чтобы издалека были слышны его твердые шаги. На его шее лязгала должностная костяная цепь, напоминая болтающийся на ветру скелет повешенного. От него исходил ядовито-горький запах — пахучая смесь эссенций, кислот и щелочей, которые он использовал в своих ужасных опытах. Эти запахи, которые у каждого, кроме самого Айспина, вызывали удушье и дурноту, прочно впитались в его одежду и ощущались прежде, чем он появлялся, так же, как и стук его каблуков, являя собой авангард невидимых телохранителей, расчищавших путь мастеру ужасок.

Все бросились бежать с улицы, и лишь тощий царাপка остался на своем месте, терпеливо выжидая, пока страшный Айспин не появится из-за угла и не устремит свой колючий взгляд на единственное живое существо, осме-

лившееся встать у него на пути. Но даже этот взгляд не заставил Эхо ретироваться. Любой страх был ему чужд, кроме одного — страха голода, и он определял все его действия. Даже если бы из-за угла появилась сейчас стая диких оборотней, возглавляемая лесной ведьмой, Эхо все равно тешил бы себя бессмысленной надеждой, что кто-нибудь из них бросит ему что-то съедобное.

Итак, Айспин подходил все ближе, пока, наконец, не остановился перед царапкой. Он наклонился к нему и долго смотрел на него безжалостным взглядом. Ветер играл его костяной цепью, а в глазах отражалось нескрываемое злорадство, испытываемое им при виде существа, так близко стоящего у порога смерти. Запах аммиака и эфира, серы и керосина, синильной кислоты и извести, как острые иголки, кололи чувствительный носик Эхо. Но он не отступил ни на йоту.

— Подайте милостыню, господин мастер ужасок! — жалобно заныл Эхо. — Я ужасно голоден.

Взгляд Айспина полыхнул демоническим огнем, а на его бледном лице появилась широкая ухмылка. Он вытянул свой длинный тощий указательный палец и поскреб им по выступающим ребрам Эхо.

— Ты умеешь разговаривать? — спросил он. — Значит, ты не простая кошка, а царапка. Один из последних экземпляров этого вида. — Глаза Айспина чуть заметно сузились. — Как насчет того, чтобы продать мне свой жир?

— Это невероятно смешно, господин городской мастер ужасок, — вежливо ответил Эхо. — Вы можете спокойно продолжать шутить над беднягой, стоящим одной лапой в могиле, потому что я люблю черный юмор. Только, пожалуйста, отнеситесь снисходительно к тому, что в данный момент я не могу смеяться. Смех застрял у меня в горле, и я проглотил его, потому что очень голоден.

— Я не шучу! — резко ответил Айспин. — Я никогда не шучу. И я говорю не о том жире, которого у тебя сейчас *нет* на ребрах, а о том, который ты должен наесть.

— Наесть? — спросил Эхо, не понимая, о чем идет речь, но исполненный внезапно забрезжившей надежды. Уже одно это слово казалось ему сытным.

— Дело в том, что... — сказал Айсфин, и его голос приобрел почти любезный оттенок, — жир царпки является в алхимии оправдавшим себя средством. Он консервирует запах чумы в три раза лучше, чем собачий жир. Ляйденские человечки, пропитанные жиром царпки, живут в два раза дольше, чем обычные. Смазка вечного двигателя из жира царпки намного качественнее любого машинного масла.

— Я рад слышать, что моя порода пригодна для производства столь высококачественного продукта, — чуть слышно прошептал Эхо. — Но сейчас я не могу предложить вам ни одного грамма.

— Я это вижу, — опять строго и свысока ответил Айсфин. — Я откормлю тебя.

«Откормлю», — подумал Эхо. Это слово показалось ему еще более сытным, чем *наесть*.

— Я буду кормить тебя так, как тебя еще никогда не кормили. Я собственноручно буду готовить тебе блюда, поскольку я не только виртуозный алхимик, но и Мастер поваренной ложки. Я говорю о самых изысканных лакомствах, а не об ординарном кошачьем корме. Речь идет о парфе и суфле. О потерянных перепелиных яйцах и заливном из лягушачьих язычков. О тартаре из тунца и супе из птичьего гнезда.

У Эхо потекли слюнки, хотя он никогда еще не слышал о подобных блюдах.

— А что я должен для этого сделать?

— Я уже сказал — мне нужен жир. Нам, алхимикам, он необходим. Но он действует только в том случае, если мы получаем его на добровольной основе. Мы не можем просто так куда-то отправиться и укокошить пару царпок. К сожалению... — Айсфин вздохнул и пожал угловатыми плечами.

— Да, — сказал Эхо. — К сожалению.

Он, кажется, стал догадываться, к чему клонит мастер ужасок.

— Мы заключим договор, мы — два любителя ночной жизни. Сегодня полнолуние. Я обязуюсь до следующей полной луны — ужасковой луны — кормить тебя на высочайшем кулинарном уровне. Парфе и суфле. Потерянные перепелиные яйца и...

— Я понял, — прервал его Эхо. — Давайте перейдем к делу.

— Н-да, а потом наступит *твоя* очередь исполнять договор. К сожалению, пока еще не существует иного способа получения жира царпки, нежели... ну, ты понимаешь...

Айспин провел по горлу длинным ногтем указательного пальца.

Эхо проглотил слюну.

— Но я могу тебе кое-что гарантировать! — воскликнул Айспин. — Время до ужасковой луны будет самым лучшим в твоей жизни! Тебе откроется такой мир вкусовых наслаждений, который не был доступен еще ни одному царпке. Я вознесу тебя на вершину гурманства, с которой ты будешь смотреть на своих собратьев и на всех других домашних животных, вынужденных есть из своих мисок фарш из трески, как на паразитов. Я покажу тебе мой тайный сад, разбитый на самой высокой крыше Следвайи, на которой, кстати, есть множество соблазнительных для царпки уголков и тайников, о которых только можно мечтать. Там ты можешь совершать свои полезные для пищеварения прогулки и лакомиться травами для нормализации желудочной функции, если вдруг твой желудок, не привыкший к качественной еде, выйдет из строя. И тогда ты вскоре вновь сможешь продолжить чревоугодие. Там растет также ценная царпковая мята.

— Царпковая мята, — сладострастно простонал Эхо.

— Но это еще не все. О нет! Ты будешь спать на самых пышных подушках, за самой теплой кафельной печкой